

УДК 82–95

О. В. Богданова

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, olgabogdanova03@mail.ru

ДРАМАТУРГИЯ М. ГОРЬКОГО: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ*

В статье дается реферативно-аксиологический обзор научных статей, вошедших в коллективную монографию, выпущенную сотрудниками Института мировой литературы РАН «Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте» (ред. коллегия — Л. А. Спиридонова (отв. ред.), Т. Р. Гавриш, С. М. Демкина, Е. Р. Матевосян, О. В. Шуган. М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 376 с.).

Ключевые слова: литературоведение, М. Горький, драматургия.

Bogdanova O. V.**THE DRAMATICS OF M. GORKY: NEW MATERIALS AND RESEARCHES**

The article gives an abstract-axiological review of scientific articles included in the collective monograph published by the staff of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences “M. Gorky’s dramaturgy in the historical and functional aspect” (edited by L. A. Spiridonova (main editor), T. R. Gavrish, S. M. Demkina, E. R. Matevosyan, O. V. Shugan (Moscow, 2017. — 376 pp.).

Keywords: literary criticism, M. Gorky, dramaturgy.

В юбилейные дни Максима Горького в Москве в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), проходила большая и представительная конференция «Мировое значение М. Горького (к 150-летию со дня рождения)» (27–30 марта 2018 года). Наряду с многочисленными и интересными проблемными докладами, прозвучавшими на конференции, участникам форума были представлены новые книги, подготовленные сотрудниками ИМЛИ в самые последние годы. Среди них — М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в 24 т. Т. 19. М.: Наука, 2017; Л. А. Спиридонова. Настоящий Горький: мифы и реальность / 2-е изд., измен. Нижний Новгород, 2016; Горький и его адресаты / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2016; Максим Горький и культура символизма. К 100-летию «Сказок об Италии»: коллективная монография / под ред. О. В. Шуган. М.: Азбуковник, 2017; Тайна смерти Горького: документы, факты, версии / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: АСТ, 2017. И наряду с ними — очередной (тринадцатый) выпуск серийного издания «Материалы и исследования» — «Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте» (ред. коллегия — Л. А. Спиридонова (отв. ред.), Т. Р. Гавриш, С. М. Демкина, Е. Р. Матевосян, О. В. Шуган. М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 376 с.).

Коллективный труд сотрудников ИМЛИ посвящен проблемам освещения и современного осмысления «золотого фонда» драматургии М. Горького и непосредственно ориентирован на текстуальный анализ пьес «На дне», «Дачники», «Враги», «Старик», «Фальшивая монета», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Васса Железнова»

и др. Уже из перечислительного ряда видно, что наряду с хорошо известными пьесами Горького в научном издании рассматриваются и произведения малоизвестные («Работяга Словотеклов»), внимание ученых обращено и на сценарии, и на наброски Горького-драматурга. Если прежде, в отечественном литературоведении советского прошлого, названные горьковские пьесы рассматривались преимущественно с точки зрения столкновения и противоборства революционных и реакционных сил, отраженных в пьесах, усиливающейся гегемонии нарождающегося пролетариата и, как следствие, угасания мира буржуазной действительности, то в новом издании ИМЛИ драматические «картины» Горького-классика анализируются не только с новых позиций, с учетом архивных материалов, ставших известными и доступными только в последние десятилетия, но и во всей сложности той общечеловеческой проблематики, к которой неизменно, в разные периоды своей творческой деятельности обращался писатель.

Во вступительной статье к научному тому ответственный редактор д. ф. н. Л. А. Спиридонова, крупнейший специалист по творчеству М. Горького, обосновывает актуальность нового подхода к материалу. По ее наблюдениям, научные исследования драматургии Горького не предпринимались более пятидесяти лет ни в России, ни за рубежом. Исследователь справедливо утверждает, что ранее хрестоматийные монографии по творчеству Горького Б. Бялика, Е. Тагера, С. Касторского, Ю. Юзовского, С. Данилова, написанные в основном в 1950-х годах, сегодня уже не соответствуют запросам современности, т. к. в соответствии с господствовавшей идеологией марксизма-ленинизма драмы Горь-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Максим Горький как мировое явление. Роль Горького в литературе, критике, публицистике, политике, культуре и искусстве, театре, кино, современной инфосфере» № 18–012–00158.

кого прежде рассматривались главным образом с точки зрения противостояния социализма и капитализма, классовой борьбы и деградации буржуазных идеалов. Апеллируя к работе Б. Бялика «Драматургия М. Горького советской эпохи» (1952), Л. А. Спиридонова замечает, что труд ученого обширно «пестрит ссылками на В. Ленина, И. Сталина, С. Кирова и Г. Маленкова» [1, с. 4], и создается впечатление, что «драматург только и делал, что откликался в своих пьесах на “основополагающие указания” советских вождей» [1, с. 4]. Очевидно, что подобный подход существенно обеднял понимание горьковских пьес во всей их сложности и философской глубине. Л. А. Спиридонова показывает, что, развивая традиции своих предшественников (М. Салтыкова-Щедрина, А. Сухово-Кобылина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова) и одновременно ориентируясь на творчество западноевропейских авторов (Г. Ибсена, М. Метерлинка, Б. Шоу, Г. Гауптмана), Горький творил «качественно новую театральную форму, отличающуюся историзмом и политической остротой» [1, с. 5].

Обращает на себя внимание, что в коллективной монографии ИМЛИ путь Горького-драматурга подразделяется на четыре периода: 1900–1906, 1907–1916, 1917–1930, 1931–1935 гг., т. е. предлагается новая периодизация горьковской драматургии, позволяющая отчетливее выявить и акцентировать особенности идейных установок и художественной манеры драматурга того или иного периода.

Завершение первого этап развития горьковской драматургии Л. А. Спиридонова предлагает именовать «Врагами», в которых (как и в повести «Мать») Горький, по словам исследователя, «сделал попытку показать движущие силы истории в их революционном развитии» [1, с. 6], где он, сблизившийся с большевиками, проповедовал идеи марксизма и мечту о революционном обновлении мира посредством классовой борьбы.

Второй этап эволюции Горького-драматурга Л. А. Спиридонова связывает с «другими большевиками», объединившимися вокруг группы А. Богданова «Вперед». Однако крах «каприйской партийной школы» заставил писателя на время отойти от политической борьбы и, как утверждает исследователь, обратиться в пьесах к проблемам философским, общечеловеческим, изменить свой творческий почерк [1, с. 6]. В 1907–1916 годах Горький попытался создать новую драматическую форму, которая отличалась серьезностью поднятых мировоззренческих вопросов, активностью жизненной позиции героя (и автора).

В отличие от традиционного горьковедения, в коллективной монографии «Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте» предлагается выделение еще одного — самостоятельного — этапа работы Горького-драматурга (это 1917–1930-е годы). По наблюдению ученых, в этот период писатель активно создавал небольшие пьесы, наброски, сцены для импровизации, писал сценарии

для кино. Зрелищность, условность, вовлечение зрителя в театральное действие, импровизация — характерные черты горьковских инсценировок, созданных им в эти годы для театра и кино («Из жизни первобытных людей», «Степан Разин», «Жизнь одного еврея» «По пути на дно», «Пропагандист», «Ход конем» и др.).

Наконец, последний этап работы Горького-драматурга связан авторами коллективной монографии с 1930–1935 годами, когда были созданы «Сомов и другие», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой», пьесы, в которых изображение исторических событий 1917 года, изменивших судьбы мира, сочетается с углубленным вниманием к внутреннему миру человека, когда писатель активно развивает острую социальную и нравственную проблематику, осуществляет «синтез историзма и психологизма» [1, с. 10].

В ориентации на новую предложенную классификацию выстраивается композиционная структура научного издания и во включенных в сборник исследовательских статьях осуществляется последующий (текстуальный) анализ горьковской драматургии, предлагаются новые ракурсы исследования хрестоматийно известных и малоизвестных пьес писателя, рассматриваются вопросы истории их создания, анализируются аспекты поэтологии горьковских текстов.

Неожиданный и кардинально новый ракурс восприятия самой известной пьесы Горького-драматурга предложен О. В. Шуган в статье «Проблема счастья в пьесе М. Горького “На дне”» [1, с. 12–44]. Рассматривая заявленную проблему, исследователь неожиданным, но доказательным образом ориентируется на традицию буддизма, стремясь показать близость и органичность восточной философии представлениям-размышлениям Горького (и его героев), получившим отражение в тексте «На дне». Образ старца Луки исследователь смыкает с представлениями о путях обретения счастья героями-ночлежниками, с вопросом избавления героев дна от страданий и мучений, близким восточному философскому учению. По наблюдениям автора статьи, Горький в «На дне» намечает различные направления (векторы) достижения и поиска героями счастья и показывает, как под воздействием утешительных речей Луки идея счастья вырисовывается и постепенно трансформируется в сознании обитателей дна. Если начальным этапом обретения счастья для героев Горького, по наблюдению автора статьи, было удовлетворение самых простых и примитивных желаний, то итогом их становится стремление к общему благу, к свершению добра для других, устремленности к внутренней человеческой свободе. Исследователь проводит мысль о том, что в героях Горького, в жалких и слабых обитателях дна, пробуждается сознание, они обретают ростки-зачатки человеческой морали, актуализируя новую «человекоправду», приходят к суждению «человек выше

сытости», к мысли о том, что жить нужно «для лучшего человека». Правомерность подобной постановки вопроса доказывается исследователем, с одной стороны, распространенностью и популярностью идей буддизма на рубеже XIX — XX веков, с другой — осведомленностью Горького в вопросах восточной философии, хотя и воспринятой писателем через призму западной философии (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше). На основе анализа образной системы пьесы «На дне» О. В. Шуган показывает, что действительно многие важные темы и доктрины буддизма получили (могли получить) свое отражение в пьесе Горького. Так, мечты-утешения Луки становятся в горьковской пьесе, по О. В. Шуган, тем миром-иллюзией, «праведной землей», которая столь же действенна и реальна для героев-ночлежников, как и нирвана для буддистов. Даже форма речи Луки, по утверждению ученого, близка ораторским приемам Будды, манере его говорения с оттенком легкой иронии, с уклонением от прямых ответов [1, с. 25]. За видимым равнодушием Луки, по мысли ученого, кроется буддийское спокойствие.

«Таким образом, — делает вывод исследователь, — Горький, привлекая темы и мотивы буддизма — о четырех святынях истины, о мире сансары, или страданий, о желаниях как источнике страданий, призрачном мире Майи, о буддийском спокойствии, о философии сострадания, дает им свою трактовку. Идее угасания воли и желаний для достижения нирваны писатель противопоставил новые желания и цели. Герои поменяли местами мечту и реальность, и хотя объективно их жизнь к 4-му акту стала даже хуже, они чувствуют себя почему-то значительно более счастливыми и умиротворенными. Реальность стала призраком (жизнь есть сон), а выдумка (романтическая любовь, праведная земля, мечта о свободе, достоинстве и др.) воплотилась в жизнь. Настя поверила при помощи Луки в реальность своей любви, и Барон изменил свое отношение к ней, впервые проявив заботу (“Эта... Настенька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она...” <...> От этих слов веет человеческим теплом, в них видны ростки искреннего чувства» [1, с. 38].

И далее: «Пьесой “На дне” писатель делает значительный шаг вперед в своем творчестве: отрывается от недостойной действительности, показывает возможность “вечного истинного бытия”, расчищает путь для “сверхчеловека”, прокладывает мостик к идеям коллективизма и социального романтизма...» [1, с. 39].

Новой интерпретации социально-психологической драмы Горького посвящена статья Т. Р. Гавриш «“Дачники”: опыт прочтения и интерпретации» [1, с. 45–73]. Опираясь на историю замысла и создания пьесы, Т. Р. Гавриш размышляет над социально-историческими факторами, которые обусловили идейную дифференциацию интеллигенции рубежа веков, прослеженную в пьесе на образах пяти главных персонажей (адвокат Басов, инженер Суслов, доктор Дудаков, литератор Шалимов и Рюмин).

Однако в центре предпринятого анализа оказывается образ главной героини — Варвары Михайловны Басовой, проходящей путь от «дачника» до «идейного человека», не могущего жить праздно, без идеала. «Сильная женщина» Горького, неудовлетворенная современным ей обществом, ценностями «дачного» интеллигентского круга и собственным жизненным предназначением, осознает необходимость изменения «способа» жизни, своего предназначения в жизни, но идейно и социально дезориентированная, а позднее и искусственная разрушительными революционными идеями, она выбирает ложное направление дальнейшего личностного пути, собственного самоопределения. Как показывает исследователь, истинная суть протеста Варвары Михайловны проявляется в пограничной для нее эмоциональной ситуации, после покушения Рюмина на самоубийство, и смыкается, соизмеряется с образом высоко идейной героини Марьи Львовны. Однако, по словам исследователя, «преданностью избранной идее лишь маскируется человеческая несостоятельность и личностная деформация героини» [1, с. 63]. В работе убедительно показано, что Горький, опираясь на драматургию современных ему западных драматургов — Г. Ибсена, К. Гамсуна, М. Метерлинка, Б. Шоу, Л. Пиранделло и др., которые изображали женщину как индикатор неблагополучия современного общества и делали акцент на пробуждении в ней индивидуального и социального сознания, на необходимости преобразовать себя в личность, — в рамках собственного мировоззрения и миропонимания, основой которого стала идея революционного переустройства общества, сделал серьезный и важный шаг на пути к созданию новой отечественной социально-психологической драмы.

В центре внимания О. В. Быстровой в статье «Пьеса М. Горького “Враги”» [1, с. 74–102] оказываются, с одной стороны, история создания пьесы (сопоставление с рукописью наброска «Враг», новый финал пьесы «Враги» в варианте 1933 г.), с другой — выявление фундамента конфликта пьесы, ее жанровой специфики, прямых и аллюзийных связей текста «Врагов» с другими произведениями писателя. Внимание исследователя многовекторно и синкретично: исследование обращено к хронотопу пьесы Горького, ориентировано на сложность и неоднозначность конфликта драмы, в работе делается акцент на интерпретации смысла заглавного образа-понятия — «враги», осмысливается уровень композиционного воплощения текста («зеркальный» принцип). Интересной и аргументированной оказывается отсылка О. В. Быстровой к повести (роману) «Мать», к образам рабочих и революционеров двух различных в жанровом отношении произведений, связанных и коррелирующих на персонажном уровне. Обращает на себя внимание и интерпретация жанровой дефиниции «Врагов» — трагедия, трагикомедия, драма с элементами трагедии, криминальная драма с элементами социальной [1, с. 94], особым

образом интерпретированная исследователем. Автор работы опирается на ассоциативный метод исследования (прочтения), что позволяет ей расширить масштабы восприятия горьковского художественного текста, обнаружить его новые ракурсы — сугубо исторические и ментально-ассоциативные. По словам О. В. Быстровой, «многогранность этого гибкого текста, написанного еще в 1906 г., заставляет читателя не только задуматься над повествованием, но и додумывать многое, соотнося с историей XX и XXI столетий» [1, с. 100].

Анализ (мело)драмы Горького «Фальшивая монета», предпринятый в статье М. А. Семашко «М. Горький. “Фальшивая монета” (творческая история пьесы)» [1, с. 103–121], построен на интерпретации различных редакций текста, на осмыслении характера переработки финала пьесы, восприятии ее образной системы (герои-перевертыши), ее символично-аллегорического уровня, мотивного (и лейтмотивного) плана (ночной пожар и др.). Созданная во втором периоде намеченной авторами коллективного труда творческой эволюции, пьеса «Фальшивая монета» становится условием рассмотрения нравственной проблематики Горького-драматурга. Титульный образ — фальшивая монета — интерпретируется автором научной статьи как символ опустошения души человека, для которого деньги заслоняют и замещают духовные ценности. Как показано М. А. Семашко, в тексте пьесы ощутимо влияние западноевропейского театра, к которому тяготел Горький в годы пребывания на Капри.

Глубоко аналитичная статья Н. Н. Примочкиной «Философская драма М. Горького “Старик”: текст, контекст, интертекст» [1, с. 122–143] актуализирует нравственную и философскую проблематику одной из наиболее «загадочных» пьес писателя, намечает нити творческих взаимосвязей с дореволюционной идейной полемикой Горького с Ф. М. Достоевским, эксплицирует мучительно серьезные размышления писателя о русском народе и его трагической судьбе в революционную эпоху 1917 года. Обращение исследователя к уровню поэтологическому, к аспектам художественно-образной поэтики, к вопросам структурно-композиционным, представленным в широком историко-культурном ракурсе, составляет одну из сильных граней статьи Н. Н. Примочкиной.

Опираясь на историю творческого замысла и создания пьесы «Старик», Н. Н. Примочкина прежде всего обращается к датировке текста. Примечательна догадка исследователя: «Возможно, указывая в 1921 г., что “Старик” создан еще до революции, писатель немного лукавил, хотел “подстраховаться”, ибо прекрасно осознавал, что для многих людей, особенно для “сильных мира сего”, его философская драма звучит теперь слишком “несвоевременно”» [1, с. 129]. Не менее остро и проблематично поставлен исследователем и вопрос о каноническом тексте драмы.

В пространстве умонастроений эпохи исследователь Н. Н. Примочкина пытается найти и осмыслить причину «неравнодушия» Горького к тексту «Старика», найти причину его упорного стремления «продвинуть» «Старика» в печать и на сцену. Ученый видит объяснение «глубины экзистенциального отчаяния» в «несвоевременных мыслях», которые владели Горьким после революционных событий, свидетелем которых он стал, в «ощущении завершенности исторического времени» [1, с. 131], в тревоге за судьбу культуры и демократии (в противовес Ю. Юзовскому, который наибольшее значение придавал полемике Горького с Достоевским).

Особый интерес в статье Н. Н. Примочкиной вызывает трактовка образа Старика, главного героя пьесы Горького. По мысли исследователя, «главный “антигерой” пьесы “Старик” как бы завершал целую плеяду драматургических образов горьковских стариков» — «От старика Бессеменова из первой пьесы писателя “Мещане” ниточка тянется к владельцу ночлежки Костылеву и, отчасти, к вредному старичку-утешителю Луке из “На дне”, затем к кривому часовщику Яковлеву из “Фальшивой монеты” и, наконец, к старику Питириму, образ которого подводит некий итог размышлениям Горького на эту тему» [1, с. 135].

Проводя сопоставление образов Старика и странника Луки из «На дне», ученый высказывает, кажется, парадоксальное суждение о том, что «Горький, создавая своего отвратительного Старика, хотел заодно “разделаться” и с созданным им ранее слишком положительным Лукой» [1, с. 136]. Однако аналитизм подхода, продемонстрированный Н. Н. Примочкиной, дает основания к подобному суждению и обнаруживает объяснительно-доказательные аргументы данного утверждения.

Серьезный анализ и современный взгляд на многократно интерпретированную пьесу Горького демонстрирует статья Л. А. Спиридоновой «“Егор Булычов и другие”: голос истории и голос автора» [1, с. 144–171]. Исследователь показывает, что если в советском литературоведении горьковская пьеса рассматривалась в русле тенденций социалистического реализма и неизбежно связывалась с проблемами гибели буржуазного строя, то сегодняшний взгляд на текст пьесы актуализирует другую сторону текста — его философский смысл, обращенность к вечным проблемам человеческого бытия и, прежде всего, к вопросам жизни и смерти. Выявляемый Л. А. Спиридоновой подтекстовый пласт («подводное течение») драмы позволяет согласиться с мнением исследователя о том, что не только исторические и социальные мотивы, но и глубоко личная трагедия героя, человека, перед смертью осознавшего свою важную и трагическую мысль — о прожитой «не на той улице» жизни, фокусирует внимание писателя. В центре пьесы, по словам Л. А. Спиридоновой, «трагедия незаурядной личности, напрасно растратившей свои силы на протяжении жизни» [1, с. 147], и только на пороге смерти осознавшей

собственную ошибку и выражающую глубоко драматичный личностный протест и отчаяние. У Горького нет условности изображения жизни, его заменяет реалистическая во всех деталях картина жизни русского купечества — оттого еще более пронзительно звучит мысль-мотив, осознанный героем только к концу жизни, что «мимо настоящего дела» жил.

В ходе исследования — по мере выявления конфликта «настоящего и мнимого», связанного с мыслью о прозрении человека [1, с. 153] — Л. А. Спиридонова подходит к мысли и убедительным выводам о подлинном новаторстве Горького, сумевшего в своем творчестве совместить «голос истории» и «голос автора».

«Парная» пьеса к «Егору Булычову» рассматривается в статье Ю. У. Каскиной «„Достигаев и другие“ в контексте истории и современности» [1, с. 172–207]. Автор статьи отмечает общность абриса и характера персонажей пьес «Сомов и другие», «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие» и прослеживает их развитие, сопоставляет и анализирует жизненный финал героев. Обращение Ю. У. Каскиной к образу главного героя пьесы, как и окружающих его персонажей, действующих с критический момент революционных событий 1917 года, позволяет ей сделать вывод о том, что (хотя трактовка и восприятие образа Василия Достигаева менялись) социально-политическая драма Горького звучала и продолжает звучать современно и сегодня, чему доказательством служит сценическая история пьесы, прослеженная исследователем на примере постановок драмы в ленинградском БДТ, в Московском театре им. Евг. Вахтангова, во МХАТе и др.

Глубокую и серьезную интерпретацию драматургии Горького предложила И. А. Бочарова в статье «„Васса Железнова“. Второй вариант (1935). Проблема жанра» [1, с. 208–230]. Исследователь обращается не только к жанровому своеобразию «Вассы Железновой» (по мысли ученого — трагедии), но и к важнейшим и «вечным» вопросам литературы, в т. ч. горьковской драматургии: жизнь и смерть, преступление и наказание, сущность материнства, ответственность за собственный грех (и др.). В ходе анализа, на примере образов Вассы и Рашели, И. А. Бочарова выявляет важнейшие и сущностные слагаемые женского характера у Горького и приходит к констатации в образе Вассы Железновой черт «человеческой женщины». По словам исследователя, «конфликт двух героинь в пьесе — не просто конфликт двух классовых противников, а столкновение двух нравственно-политических доктрин» [1, с. 223].

Осмыслению малоизвестной пьесы, особняком стоящей в творческом наследии Горького, посвящена статья Е. Н. Никитина «О „Работяге Словотекове“. Новаторство жанра» [1, с. 231–282]. Автор исследования обращается к путям исканий, пройденных Горьким в сотрудничестве с К. С. Станиславским

перед созданием этой пьесы, о единственной ее постановке, осуществленной С. Э. Радловым. По замечанию Е. Н. Никитина, это единственное художественное произведение, в котором писатель подвергал критике советскую действительность. По мнению автора статьи, пьеса «Работяга Словотеков» стала первой советской сатирической комедией, на чей опыт впоследствии опирались Н. Р. Эрдман и В. В. Маяковский.

Редкий ракурс осмысления творчества Горького представлен в статье А. Г. Плотниковой «„Сценарии — это дело наше...“ Произведения М. Горького для кинематографа» [1, с. 283–327]. В работе содержится обзор и предварительный анализ сценарных опытов Горького в период с 1919 по 1932 г., осмыслению подвергаются каждый из семи сценариев, созданных драматургом, прослеживается история замысла и его кинематографического воплощения. По справедливому наблюдению исследователя, сценарии Горького являются неотъемлемой частью его художественной системы и позволяют проследить связь горьковской драматургии с прозой и публицистикой писателя. Интересны представленные в статье сопоставления рассматриваемых сценариев с текстами знакомых горьковских пьес, в частности, с пьесой «На дне». Как показывает А. Г. Плотникова, в сценарии «По пути на дно» Горький дает предысторию обитателей ночлежки-дна, объясняет истоки всех основных характеров: «видит криминальное прошлое Луки, молодость мечтательного телеграфиста Сатина, злключения дамского угодника Барона, историю скромной горничной Насти, свадьбу Василисы и карточного шулера Костылева». По словам автора статьи, осмысление сценариев Горького позволяет определить их место в контексте обширного кинематографического материала той эпохи, когда они были созданы.

В статье С. М. Демкиной «Пьеса М. Горького „Егор Булычов“ в фондах музея А. М. Горького ИМЛИ РАН» [1, с. 328–348] предпринимается попытка представить горьковскую пьесу как необычный музейный экспонат, когда фотографии, документы, рисунки, программы, воспоминания участников постановок воссоздают большую и яркую сценическую судьбу пьесы, позволяют выразительнее представить как центральный характер драмы, так и создающую его окружающую обстановку.

Завершая обзор тринадцатого выпуска серийного издания «Материалы и исследования» — «Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте», можно с полным основанием утверждать, что в коллективной монографии сотрудников ИРЛИ РАН сделан серьезный шаг в дальнейшем осмыслении драматургии Горького, в постижении глубинных пластов горьковских пьес. Права Л. А. Спиридонова, когда пишет, что «драматургия Горького — наиболее востребованная часть его творческого наследия» [1, с. 4]. Емкие аналитические статьи сборника дают не только максимально полную историю замысла и рождения той или иной драматической

«картины» Горького, но вводят в научный оборот новые документы, архивные материалы, представляют уже известные источники с иных — современных — позиций. Научность и основательность — академизм — становятся главными чертами вновь появившегося издания и позволяют надеяться, что серия «Материалы и исследования», касающаяся драматургического (театрального, сценического, кинематографического) пласта горьковского наследия, будет продолжена и продемонстрирует новые и неожиданные ракурсы восприятия и интерпрета-

ции обширного наследия классика русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драматургия М. Горького в историко-функциональном аспекте / ред. коллегия: Л. А. Спиридонова (отв. ред.), Т. Р. Гавриш, С. М. Демкина, Е. Р. Матевосян, О. В. Шуган. Серия «Материалы и исследования». Вып. 13. М.: ИМЛИ РАН, 2017. — 376 с.